

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах Том шестой.
Сибирские рассказы. Рассказы, повести 1893-1897.
Золотопромышленники // "Правда", Библиотека "Огонек", М., 1958
FB2: "rvvg", 11 October 2013, version 1.0
UUID: 9A65FDD4-824D-4561-854A-BAC555B69301
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Ночь (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирурги-

ческой академии. В поисках заработка он с 1874 г. становится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0012
III.....	.0018
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0021

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Ночь
Эскиз

— Они уже вышли... — сказал он, когда начало стемнеться и в передней избе зажгли сальную свечу.

— Кто вышел? — спросил старик хозяин.

Он только опустил глаза и ничего не ответил. Приставать с расспросами к нему не полагалось. В избе царила тишина, нарушавшаяся только жалобным воем зимнего ветра в трубе. При нем никто не смел говорить.

Потом он встал и старческой походкой вышел в сени. Было слышно, как хлопнула дверь в заднюю избу, где была в боковушке устроена потаенная молельня. В избе продолжало царить молчание, потому что все знали, что он ушел молиться. Старуха-свекровушка, возившаяся у печи, старалась не стучать своими ухватами, сноха, молодайка Домна, качивала на руках полугодового ребенка, чтобы он не закричал не вовремя.

Свекор Спиридон Агапыч сегодня был как-то особенно суров и старался не смотреть ни на кого. Сноха Домна понимала, что он трусит. А вдруг наедут и накроют раскольничье-

го владыку Ираклия, которого уже давно выслеживают? Не пустил бы его к себе Спиридон Агапыч, да боялся идти против своего раскольничьего мира. И что ему вздумалось, владыке Ираклию, остановиться именно у него? Разве не стало других боголюбивых народов в Озерном?.. Труслив был старик. Он боялся даже собственного сына Ефима, который характером уродился в мать. Со стороны это выходило даже смешно: отец был большого роста, плечистый и могучий мужик, а Ефим маленький, сутулый, безбородый. Но физическая сила находилась у обоих в обратно пропорциональном отношении с нравственной. Собственно, дом вела матушка-свекровушка, но и она поддавалась Ефиму, который забирал силу молча.

Владыко Ираклий несколько раз возвращался в среднюю избу. Он, видимо, не мог размолиться по-настоящему. Худенькое, изрытое оспой лицо, с козлиной бородкой и глубоко посаженными серыми глазками, было полно тревоги. На вид ему можно было дать под шестьдесят, но в темных волосах еще не было даже признаков старческой седины.

— Едут... — бормотал он, поглядывая в окно.

— Да кто едет-то, владыко? — спрашивал свекор.

— А кому надо, тот и едет... Се жених грядет в полунощи.

У Спиридона Агапыча захолонуло на душе от этих темных намеков. Молодайка Домна отвертывалась от пристального взгляда владыки и делала вид, что укачивает ребенка.

Вошел Ефим, задававший на дворе корм скотине. Владыко Ираклий посмотрел на него так любовно и сказал:

— Ты бы погрелся, Ефимушко... Вон какая непогодь.

— Мы привычны... — ответил Ефим, снимая полушубок.

На улице поднималась вьюга. Ветер набегал порывами, обсыпая сухим снегом, точно его бросала невидимая рука. Старик каждый раз крестился и шептал: «О, господи милосливой!» Владыко Ираклий сидел в переднем углу у стола и тоже вздыхал.

— Немощен человек, а лукавства в нем преизбыток, — думал он вслух. — И все дума-

ет сделать лучше для себя, лукавый-то. А нет горше греха, как предание — предателю несть покаяния. Да... Предатель-то тоже думает, што все лучше делает.

Владыко Ираклий усмехнулся с горечью, точно припоминая что-то далекое.

— А ежели предание по нужде? — спросил Спиридон Агапыч, прислушиваясь к завыванию ветра в трубе.

— Это одно мечтание... Такой нужды не бывает, а только наша душевная ложь. Отчего остуда, прекословие и неистовство? Сначала-то мы других предаем, а потом себя начнем предавать...

— Значит, по-твоему, владыко честной, все предатели?

— Все! — решительно ответил Ираклий. — Самое легкое предание, когда человек предаст человека в руки человеков... Это даже на пользу иногда бывает, когда человек в немощах силу обретает. Душевное золото ввергается в горнило... Ввергохом золото в огонь, и излияся телец. Путь узок и тернист, а ходящие по нему суци маловеры и малоумы.

Дальше владыко Ираклий заговорил о по-

следних временах. Он говорил долго и убедительно и кончил тем, что начал обличать беспоповщину с ее подразделениями на десятки толков.

— Как гнилое мочало расщепляется без копна... гнилая нитка рвется на несколько частей... И хуже этого не может быть, как рознь и свара в своей семье. Аще и бес разделится на ся — погибнуть бесу толпу, и дому погибнуть, у которого все четыре угла рубят и крышу снимают... Единение во множество в единении.

Старик даже прослезился, увлекаясь нарисованной картиной грядущего разрушения. Матушка-свекровушка тоже всплакнула, стоя у своей печки.

— Ну, я пойду... — проговорил Ираклий, заглядывая в окно. — Час мой уже близится...

Он опять ушел в заднюю избу, а за ним ушел Ефим. Спиридон Агапыч проводил их глазами за дверь и начал ворчать:

— И к чему он все это говорит?.. Как будто неладно, старуха...

— Ты бы уж молчал, Спиридон Агапыч, — довольно сурово отозвалась старуха. — Не на-

шего ума это дело...

— А вдруг ежели начальство? А вдруг за пристанодержательство поволокут? Ох, грехи, грехи...

Наступила ночь. Свеча в передней избе была потушена, но никто не спал. Домна прилегла, как всегда, на лавку у зыбки (люлька) и слышала, как на полатях ворочается старик. Свекровушка спала около печи на сундуке и тоже ворочалась с боку на бок. Из задней избы доносилось заунывное раскольничье чтение, точно гудел большой шмель.

«Ах, скорее бы...» — думала Домна, и ей делалось все страшнее и страшнее.

Она теперь припоминала каждое слово Ираклия — он все это говорил ей одной. Учуял, видно, что дело неладно. И никто его не понимает... Предателю, слышь, не будет прощения. А мужа отбивать у жен — за это будет прощение? На Ломовском заводе кто увел в скиты пудлингового мастера Куркина? Ираклий... Теперь у Куркина осталась жена с махоньким младенчиком — ни баба, ни девка, ни вдова — на ком будет грех за нее? Сейчас Ираклий к Ефиму подбирается... При последней мысли Домна чувствует, как она начинает вся холодеть. Ей уже представлялось, как

она останется одна-одинешенька в чужой семье с ребенком на руках, как ее будет донимать свекор-батюшка, как будет поедом есть свекровь-матушка. Она же и будет кругом виновата: мужа остудила, вот он и ушел в скиты, а ты майся с ребенком.

— Ах, скорее бы...

Домна чутко прислушивалась к каждому шороху на улице и на дворе, и ей несколько раз казалось, что кто-то подъехал, что слышны чьи-то осторожные шаги, что чьи-то руки нащупывают дверную скобу. Но это бушевала метель, такая же метель, какая бушевала в ее собственной душе.

Домна была из беспоповщинского толка, вышла за поповца Ефима. Очень уж крепко полюбился ей этот серьезный не по летам парень. Пришлось для него бросить родную семью, которая проводила ее с проклятиями. Тяжелее горы родительское проклятие... Недолго порадовалась Домна, хотя и любила мужа без ума. Ведь других таких людей и на свете не бывает, как Ефим. Два года бабьего счастья промелькнули незаметно, а тут еще появился ребенок. Но и в самую счастливую

пору Домна замечала, как Ефим начинал как будто задумываться и все чаще смотрел на нее какими-то удивленными глазами, точно спрашивал, зачем она здесь. Этот взгляд давил ее, точно камень.

— Что с тобой, Ефим? — спрашивала она.

— А ничего... так... грех...

— Какой грех?

— О душе своей не думаем — вот и грех.

Только тешим свою скверную плоть...

— Какой же грех между мужем и женой?

— Ангелы не знают ни мужей, ни жен...

По зимам Ефим пропадал иногда на целую неделю и возвращался домой измученный, больной, со странно горевшими глазами. Домна потом уже узнала, что он проводил это время у Ираклия на покаянии. Ираклий скрывался где-то в скитах, в горах, куда к нему и сходились. Он вербовал себе самых лучших овец, и в число этих лучших попал Ефим. Раз он сказал жене прямо:

— Я скоро уйду в скиты, Домна...

— Тебя Ираклий сманивает?

— Не Ираклий, а совесть. Не могу больше терпеть...

— А как же я-то останусь?

— Ступай и ты в скиты...

— А ребенок?

— Ребенок останется у стариков...

Как ни плакала Домна, как ни умоляла мужа, Ефим стоял твердо на своем. У молодой бабы совершенно опустились руки... За что же такая напасть? За что разбитая жизнь? А тут еще на руках останется ребенок хуже сироты. Для Домны ясно было одно: именно, что заводчиком всего дела был владыко Ираклий. Да, он сманил не одного Ефима и будет сманивать других. У Домны явилась страстная жажда мести, Э, пропадать, так пропадать всем, а владыке Ираклию в первую голову, как хищному волку в овечьей шкуре. Случай ей помог привести этот план в исполнение. Батюшка-свекор как-то проболтался о сроке, когда владыко Ираклий поедет из скитов на южные уральские заводы и что остановится у них, как показывал Ефиму. Старик трусил вперед и ворчал.

Домна воспользовалась этим известием по-своему.

Сейчас она лежала и ждала исполнения. И

страшно до смерти, и жаль любимого человека, и грех перед богом, как говорил давеча сам Ираклий. А самое главное, стоило только ей сказать одно слово, и владыко Ираклий спасен, но именно этого слова она и не находила в себе. Ею овладела фатальная решимость: пусть будет, что будет.

Вьюга продолжала гудеть тысячью звуков. В одно время кто-то и хохотал, и плакал, и бежал, и подкрадывался, и дышал тысячью холодных пастей. Спиридон Агапыч даже садился на полатах и начинал креститься.

— О, господи милосливой!.. — шептал он, прислушиваясь к непогоде.

Наконец он не вытерпел. Прислушавшись, что все спят, он потихоньку спустился с полатей, надел валенки, полушубок, шапку и вышел. В сенях он прислушался. Читал Ефим раскольничьим речитативом акафист богородице.

— Матушка пресвятая богородица, спаси и сохрани! — помолился старик про себя, осторожно выходя из сеней на крыльцо.

Двор был крыт наглухо, как строятся в этой полосе Урала, где лесу достаточно. Он

ощупью прошел в конюшню, где были лошади, и в темноте начал обрывать старую белую кобылу. Лошадь его узнала и любовно терлась о его рукав своей угловатой головой. Захомутив ее, он осторожно вывел из конюшни и запряг в легкие пошевни на высоких копыльях, на каких ездят в горах по глубокому снегу.

«Вот так-то повернее будет, — думал он, стараясь не шуметь. — Чуть што, сейчас и изловим владыку. Ступай, ищи ветра в поле... Не впервой ему от никониан спастись».

Домна не утерпела и выбежала в сени послушать, что делает свекор-батюшка. По топтанию лошади она поняла, в чем дело. Старик сильно трусил и готовил на всякий случай «погоню». Она стояла в сенях босая и не чувствовала холода. В задней избе продолжалась та же молитва. Заунывное чтение Ефима нарушалось только поправками, которые Ираклий делал наизусть — он знал каноны наизусть.

— ...радуйся многих согрешений прощение... радуйся любви всяко желание побеждающи...

Был момент, когда Домна готова была броситься в заднюю избу, пасть в ноги владыке Ираклию и покаяться, но послышались шаги батюшки-свекра, и она убежала в избу. Прилегши на лавку, сна опять превратилась в один слух. «Ах, скоро все будет кончено...» Ее начинала бить лихорадка. Вьюга выла по-прежнему, и по-прежнему слышались голоса, подкрадывавшиеся шаги и чье-то жалобное причитание, как причитают по покойнике.

Заслушавшись вьюги, Домна совсем не заметила, как в избу вошел владыко Ираклий, и чуть не закричала, когда он в темноте пощупал ее руками.

— Вставай... — шептал он. — Час уже при-
спел...

Она поднялась, чувствуя, как зубы выбивают барабанную дробь. Владыко Ираклий положил ей на голову обе руки, что-то шептал, а потом неожиданно поклонился в ноги.

— Прости, жено, мою твердость... Они уже близко... настало время... Не печалуйся, что через тебя принимаю узилище и душевные раны... Иду на великий праздник неистового гонения... Я все знаю... Слышишь? Это за мной пришли...

Одновременно раздался сильный стук в ворота и в окно.

— Уходи скорее... — заговорила Домна. — Батюшка и лошадь запряг... А я их тут задержу.

— От воли божьей не уйдешь...

В избу вбежал испуганный Спиридон Агапыч и потащил владыку за рукав.

— Не нужно... Куда ты меня тащишь? —

уширался Ираклий.

— Владыко, не погуби ты нас всех... Из-за тебя вся семья в разор пойдет...

Это доказательство подействовало. Спиридон Агапыч накинул на Ираклия свою шубу и шапку. Они осторожно вышли на двор и пошли к задним воротам, у которых стояла запряженная лошадь.

— Спустишь на реку... — шептал хозяин. — А потом поверни направо... там выпадет тебе куренная дорога...

Спиридон Агапыч торопливо отворил ворота и сразу попал в руки четверых мужиков.

— Держи его! — громко крикнул кто-то. — Э, какой здоровущий архирей... Вяжи его, братцы!

— Братцы, да тут два архирея!.. — крикнул другой голос. — Этот совсем маленький...

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликован в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 г. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. III, М, 1905.

В описании рукописей писателя («Д. Н. Мамин-Сибиряк. Рукописи и материалы», т. I, М., 1949) ошибочно сообщается, что эскиз опубликован в «Одесских новостях» 1889 г. Помещенный в этой газете рассказ (№№ 1254 и 1255, 2 и 3 апреля) действительно носит то же заглавие, но совсем с другим содержанием и имеет подзаголовок «Летняя идиллия». Хранящаяся в Свердловском областном архиве рукопись является автографом рассказа, опубликованного в «Одесских новостях».